

УПАДОК ГОРОДА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

(Староконстантинов в XVIII столетии)

А. Баранович

В данной работе из истории феодальной Речи Посполитой затронут лишь один вопрос — жизнь города. Разыскивая в архивах польских феодалов материалы по истории города, автор нашёл наиболее полное собрание документов по истории Староконстантинова, одного из крупных городов Западной Украины XVIII в.; то был не королевский, а помещичий город, один из тех, какие составляли подавляющее большинство в Речи Посполитой. Известно, что помещичьи города зачастую были больше, чем многие из королевских городов.

Анализ фактического материала показывает, что захваченная в XVI столетии Польшей Украина не была в то время страной отсталой, даже «пустынной», как её изображают шляхетские историки, а находилась на сравнительно высокой ступени хозяйственного и общественного развития. Изучая документы, мы можем констатировать, что «исторической заслугой» панов и шляхты было хищническое разорение завоёванной ими страны, доведение её до полного упадка. В чём заключалась «цивилизаторская деятельность» польского панства и каковы были её результаты, отчётливо видно на конкретном примере истории Староконстантинова. В XVIII столетии уже вполне ярко выступают итоги этой деятельности.

Староконстантинов встречал XVIII столетие, оживая после тяжёлых ран, нанесённых ему в XVII веке. В 1648 г. украинский народ поднялся против иноземных поработителей. Борьба длилась много лет «Огнём и мечом» подавляло панство «своеволие мятежников», уничтожало деревни и целые города. На народ, изнемогающий в непосильной борьбе, ринулась и другая орда грабителей — крымские татары и турки. Страна была совсем опустошена. В 1661 г. в Староконстантинове сохранилось лишь несколько домов, в подавляющем большинстве деревень не осталось ни одного человека¹. В последующие годы, как известно, всё новые и новые страшные удары падали на голову местного населения. Речь Посполитая ломала «своеволие украинное», превращая край, выражаясь языком документов того времени, в «пустынную Аравию». Пользуясь каждой передышкой между разрушениями, уцелевшие жители восстанавливали хозяйство. Это был сизифов труд: то, что восстанавливалось, сметалось начисто новыми ордами грабителей. Последние десятилетия XVII в. были, повидимому, сравнительно спокойнее, разрушения были реже и не так велики, как раньше. Возрождаются поселения, выходят из убежищ уцелевшие жители, возвращаются многие из эмигрировавших, появляются новые поселенцы из северных и западных районов Украины. Новых поселенцев соблазняет не только богатство почвы в этом районе, их прельщают более лёгкие, чем на родине, условия жизни: жизнь здесь была тревожная, зато панская власть слабее.

В начале XVIII столетия Староконстантинов был уже крупным населённым пунктом. Если пожаром в 1709 г. в нём были уничтожены 62 дома христиан, 2 дома евреев², а пожаром 1710 г. — 40 домов христиан и

¹ Архив Юго-Западной России (АЮЗР). Т. III. Ч. VII, стр. 110—111.

² Пероговский «Очерк по истории гор. Староконстантинова» «Вольские епархиальные ведомости» за 1881 г. 4, стр. 116.

6 домов евреев³, то, очевидно, в городе было значительно более 100 домов, возможно, несколько сотен.

Мы готовы согласиться с шляхетской историографией в том, что владельцы имений были заинтересованы в возрождении страны, поскольку «шляхетно-рождённые» жили исключительно присвоенным продуктом труда своих «подданных». Но заявления польско-шляхетских историков о том, что панство содействовало восстановлению страны, фактами не подтверждаются. Имели место, да и то весьма редко, лишь случаи ссуд, выданных помещиками новым поселенцам, конечно, на кабальных условиях. Это делалось в своих же, классовых интересах: чтобы «хлопа» впрячь в ярмо, необходимо было дать ему возможность стать на ноги, набраться сил. Помещики предоставляли новым поселенцам ряд льготных лет, но это делали отнюдь не все и не всегда. Многим помещикам обстоятельства не позволяли ждать: нужно было платить долги и проценты, нужно было жить, как «приличествует» людям «высокой породы». Доход из имений нужно было извлекать сейчас же и в размерах возможно больших.

Владелица Староконстантинова княгиня Любомирская, урождённая Заславская, не ждёт. Едва в 1699 г. кончилась война, как уже в 1701 г. она отдаёт город в посессию (аренду)⁴ на три года. Посессор вносит арендную плату наличными деньгами, зачастую вперёд. Откупив у владельца на определённый срок феодальные права над населением, он старается за этот срок с лихвой вернуть уплаченные деньги, беззастенчиво грабит население: что будет дальше с городом и разорёнными жителями, его интересует мало. Всё это было известно владельцам города, и всё же из года в год они отдавали Староконстантинов посессорам⁵. В 1719 г. горожане просят князя, владельца города: «Не отдавай нас, наследственных своих подданных, в вечную неволю, ибо все уйдём»⁶.

Чтобы получить высокую арендную плату, владельцу имения нужно было думать не о предоставлении льгот «подданным», а об извлечении возможно больших доходов — об установлении и закреплении «повинностей». В 1701 г. при сдаче города в посессию составляют его инвентарь, переписывают подданных, повинности, учитывают все доходы⁷. Сразу же восстанавливаются монополии помещиков, в первую очередь право монопольной продажи спиртных напитков. Монопольное право торговли спиртными напитками, мельницы, померное с них, а также право собирания пошлин с привозимых товаров продают откупщикам⁸. Откуп всех этих доходов в документах того времени обозначается термином «аренда». В первые годы XVIII столетия «аренда» была главной доходной статьёй помещичьих имений. Население города обязывают аккуратно вносить чинш (денежный взнос) и дани, привлекают его к работам, прежде всего к выполнению «шарварков» (феодалная дорожная повинность)⁹.

Панское хозяйство тех времён немыслимо без фольварка. Необходимо было иметь в большом количестве сельскохозяйственные продукты: нужно было снабжать ими панский аппарат — выдавать «ординарию», необходимы они были и для «аренды» — изготовления водки, пива; к тому же в конце XVII столетия зерно охотно покупают. Корзон установил, что в конце XVII столетия зерно в большом количестве экспортировалось через Гданск¹⁰. Большой спрос на зерно предьявляла и опустошённая

³ Archiwum Rzewuskich. Summariusz documentum ad bona tractus Stary-Konstantinow.

⁴ Ibidem, Fa 13, № 29.

⁵ Ibidem, № 46, 51.

⁶ Ibidem, № 53.

⁷ Ibidem, № 2.

⁸ Ibidem, № 31.

⁹ Ibidem, № 2.

¹⁰ Korzon T. «Wewnetrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta». T. II, § 32; t. I, § 21—22.

Украина: хозяйство у оставшегося населения было разрушено, а у новопоселяющегося — не налажено. Цены на зерно были высокие: в два — три раза выше, чем в 1730 году¹¹. Организация фольварков в конце XVII — начале XVIII в. представлялась делом нелёгким. В деревнях крестьян было мало, они не успели ещё обзавестись своим инвентарём. Выход был найден в устройстве фольварка в городе и использовании на барщине веками свободных от барщинных работ мещан. В этой затее владельцы Старокопачинского не были оригинальны: так поступали в начале XVIII в. владельцы и других соседних городов. Например, в Дубно каждый мещанин обязан был сжечь и связать на панском поле полторы копы озимого и две копы ярового хлеба; отбить две толоки — одну на озимые, другую на яровые; один день косить сено на панских лугах; пахать один день для озимых посевов, другой для яровых¹². В Николаеве, на севере Подольского воеводства, все мещане обязаны были жать по два дня; «весь город обязан отбивать закоски, обкоски, зажинки, обжинки, заорки, оборки»¹³. Но, в то время как в Дубно и Николаеве мещан привлекали лишь к вспомогательным сельскохозяйственным работам на несколько дней в году, в наиболее горячее время, в Старокопачинском фольварке мещане выполняли не вспомогательные, а все работы. Они должны были «надлежащим образом и по-хозяйски землю вспахать, управить и заволочить», урожай «убрать и отвезти в панское гумно, а там молотить»¹⁴. «Все мещане, христиане и евреи», обязаны «сено косить, убрать, отвезти в панскую усадьбу»¹⁵. Была установлена и подводная повинность: давать подводу с мёдом «за миль 18», кроме того каждый хозяин обязан был привезти раз в год в замок подводу дров. Эта обязанность была «для людей тяжела, ибо возле города леса нет»¹⁶.

Этот наглый грабёж вызвал среди населения возмущение. Власть помещиков в те годы прочно ещё не утвердилась, и воля к сопротивлению была сломлена далеко не целиком. Ещё могли осмелиться жители Старокопачинского — мещанин Степан Малинецкий и еврей Лейба — в лицо (*in faciem instando*) обругать посессора города последними словами (*gravissimis verbis*) и оскорбить его шляхетскую честь (*dishonorarunt*). А посессор не находит на них управы на месте, вносит протест в книги городские¹⁷.

В 1702 г. возле Старокопачинского повстанцами был разгромлен ряд имений. Помещик Самчинец жалуется, что его имение разграбили. забрали лошадей, овец, рогатый скот, хозяйственный инвентарь, сукна; погибли хлеба, молоченные и в скирдах. Возвратившись, он застал на месте имения «пустынную Аравию», «лишь место, где была Троя»¹⁸. Аналогичное заявление сделал владелец села Высшей Погорелой¹⁹. О «бесчинствах мятежных казаков», об «опустошении ими добр» в окрестностях города говорят и владельцы Старокопачинского²⁰. 24 декабря н. ст. «казаки» были на пасаках и в мещанских хуторах. Через несколько недель, во время «русского праздника трёх королей», «казаки» ворвались в город, в городе погромили шляхтичей. Через неделю «ка-

¹¹ Баранович А. «Нариси магнатського господарства на півдні Волині», стр. 49—50. Київ. 1926.

¹² Володимирський-Буданов «Німецьке право в Польщі й Литві». «Руська історична Бібліотека». Т. XXIII, стр. 285.

¹³ АЮЗР. Т. I. Ч. V, стр. 284.

¹⁴ Archiwum Rzewuskich, Fa. 13, № 33.

¹⁵ Ibidem, № 39.

¹⁶ Ibidem, № 33.

¹⁷ АЮЗР. Т. II. Ч. III, стр. 648.

¹⁸ Там же, стр. 702.

¹⁹ Там же, стр. 704.

²⁰ Archiwum Rzewuskich, Fa. 13, № 43.

заки» вновь ворвались в город²¹. Городское население поддерживает повстанцев и, ободрённое их борьбой, само активно выступает против владельцев города. Посессор жалуется, что мещане выпасли его посе-
вы своим скотом. Мещане решились даже поднять восстание, правда, учи-
тывая храбрость шляхетных, в своеобразной форме. Об этом восстании
посессор рассказывает: «В прошлом году, когда казаков и вблизи не
было», мещане «по собственному побуждению» учинили фальшивую
тревогу, дабы «такой хитростью» изгнать «благородного посессора и
других шляхтичей, находившихся в то время в городе». Сговорившись
между собой, они глубокой ночью «подняли в городе большой крик»,
а для увеличения смятения «учинили стрельбу». И, признаётся автор,
«этой хитростью» его и бывшую в городе шляхту изгнали; «благород-
ные» были в такой панике, что «убегали, избегая дорог». При этом бес-
стве посессор города потерял «драгоценную одежду с золотыми пуго-
вицами, украшенную дорогими камнями, и многое другое»²².

В таких условиях владельцу Староконстантинова было трудно пол-
ностью осуществить намеченный им план ограбления населения. Чинш
ему не удаётся собрать весь, остаются недоимки²³. Мещане уклоняются
от выполнения барщинных работ на фольварке. В 1703 г. владелец го-
рода обращается к мещанам со специальным посланием, уговаривая их
убрать хлеб и сено, обещает им освобождение от барщинных повинно-
стей в будущем, если они эту работу выполняют²⁴. «Из-за волнений и
непокойствия в тех краях» никто не хочет быть откупщиком «аренды».
В 1703 г. княгиня предписывает еврейской общине взять «аренду», угро-
жая в случае невыполнения её распоряжения²⁵ большим штрафом.
Посессор жалуется, что «из-за казацких бунтов» он не получил дохо-
дов согласно инвентарю²⁶.

На подавление разгоравшегося восстания были двинуты польские
войска. Они, по обыкновению, ограбили восстанавливаемую с большим
трудом страну. Владельцы Староконстантинова — и те принуждены были
констатировать «большие убытки», причинённые хозяйству края «людь-
ми всеобщего ополчения», а также «присланными сюда кварцянными
хоругвями». Они пишут: «Войска Речи Посполитой забирали хлеб, сено,
мёд; уничтожали посевы; промили пасеки»; «Подданные лишились лоша-
дей и другого скота»; большая часть оставшегося скота к весне по-
дохла, ибо «жители не имели чем кормить»²⁷. Посессор Староконстан-
тинова заявляет: «Город обезлюдел из-за частых переходов польской
королевской армии»²⁸.

Не успели зарубцеваться раны, нанесённые армией при проведении
«пацификации», как на головы местного населения обрушиваются новые
беды, связанные со шведской войной: новые переходы и стоянки войск,
живших грабежом местного населения, разорения имений сторонников
одной партии войсками сторонников другой.

Со второго десятилетия XVIII столетия панство имело возможность
полностью развернуть осуществление своих «хозяйственных» планов: воен-
ные действия прекратились, сопротивление народа придавлено, деревни
упорным крестьянским трудом в значительной степени восстано-
влены.

²¹ Spis ważniejszych miejscowości w powiecie Starokonstantynowskiem, na Wołyniu, str. 372.

²² Archiwum Rzewuskich, Fa. 13, № 43.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibidem, № 39.

²⁵ Ibidem, № 34.

²⁶ Ibidem, № 36.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem. Summariusz documentum ad bona tractus Stary-Konstantynów.

Помещики больше всего рассчитывают на получение доходов от фольварков, от производства барщинным трудом сельскохозяйственных продуктов. Чтобы обеспечить фольварк землёй, у крестьян отнимают лучшие земли и оставляют им лишь небольшие, строго отмеренные наделы — паровые, одноконные, пешие. Для пригородных фольварков землю отнимают и у горожан. Раскинувшиеся в начале XVII в. на десятки километров вокруг города мещанские «хутора, пасеки, фольварки» в начале XVIII столетия были ликвидированы. Мещанам-земледельцам были оставлены лишь небольшие наделы, как и крестьянам.

Восстановив фольварки, погнав на барщину крестьян, паны обеспечили себе возможность широкой торговли сельскохозяйственными продуктами. Всю Речь Посполитую они превратили в хлебный амбар промышленных стран Западной Европы. За границу везут зерно, муку, крупу; вывозят сушёную и солёную рыбу, гонят скот; с транспортами зерна везут жиры, водку, мёд, воск; за границу продают пряжу, дёготь, смолу, лесные материалы²⁹. Всё это вывозят помещики исключительно сами, конкурировать с ними никто не может. Продукт, изготовленный барщинным трудом, подвезённый к пристани тоже даровой, барщиной подводой, паны продают по дешёвке. Никакой купец, купив зерно у крестьянина, оплатив подводу к пристани, не может продать зерно по такой низкой цене³⁰. Кроме того не надо забывать, что, по законам Речи Посполитой, шляхтич торговал беспощадно, купец же должен был платить высокие мытные сборы.

Однако к 30-м годам XVIII столетия спрос Западной Европы на продукты сельского хозяйства уменьшается. Помещикам приходится всё больше использовать внутренний рынок. Правда, в отсталой Речи Посполитой внутренний рынок весьма невелик, кроме того на внутреннем рынке приходится иметь дело с конкуренцией крестьян. Большого количества зерна требует производство спиртных напитков. Торговлю спиртными напитками помещики объявляют своей монополией, и это даёт им полную возможность устранить всякую конкуренцию в снабжении сырьём водочной и пивоваренной промышленности. Прежде всего на переработку и спиртные напитки направляется «померное» с мельниц. Право монопольной торговли водкой отдаётся помещику в «аренду» всегда вместе с мельницами. Кроме того на производство спиртных напитков направляется зерно из фольварков. В 1748 г. управляющий имениями Вишневецкого ключа пишет владельцу: «В Колосовой стоит 300 коп, в Вишневецком княжестве — около 3 тысяч коп, поэтому я привёз сюда водочные котлы»³¹. Староконстантинов был крупнейшим центром производства спиртных напитков: в 1774 г. здесь истратили на изготовление водки и пива минимум 1317 корцев ржи и 1504 корца ячменя меры королевской³². Помещик не упускает возможности сбывать продукты питания и сырьё для промышленности городскому населению. Конкуренцию крестьян он стремится устранить, пользуясь своей феодальной властью. Сельскохозяйственные продукты он навязывает силой. В контракте 1756 г. на спуск пруда в с. Борсуках написано: «г. Вишневец должен взять изловленной рыбы 24 кадки, с Федьковцы — 5, Лозы и Бодаки — 5» и т. д.³³. Насильно навязывается и зерно. Еврейская община Староконстантинова платит его владельцу «за наложение яровых». Продажу корма для лошадей проезжающих владелец Староконстантинова также объявил своей монополией; в

²⁹ Баранович А. «Нариси...», стр. 36—38.

³⁰ Там же, стр. 38—39.

³¹ Там же, стр. 66—67.

³² Баранович А. «Паньске місто», стр. 38. Київ, 1928.

³³ Баранович А. «Нариси...», стр. 47.

1782 г. эта монополия дала ему 800 золотых доходу³⁴. Много в имении и сырья для городской промышленности. Пряжу помещик собирает у крестьян; выгоднее всучить её местным ткачам, чем возить в далёкие края. Много кож в имении, ими можно забросать местных ремесленников, изготавливающих кожаные изделия. Прибрав к своим рукам торговлю сельскохозяйственными продуктами и товарами, изготавливаемыми в деревне, паны стремятся овладеть и торговлей промышленными изделиями, торговлей продуктами, покупаемыми деревней. Известно, что, отправляя обозы с зерном в Гданск, Торунь, паны приказывают закупить там и привезти промышленные изделия. По закону Речи Посполитой, привозимые паном для своих нужд товары провозятся беспошлинно. Но под своими нуждами пан разумеет и нужды всей многочисленной челяди, зачастую знакомых и мало знакомых людей, привозит он и продукты, необходимые для крестьян: железные изделия, рыбу, в том числе сельдь, — навязывая деревне эти и другие продукты по монопольным ценам. Помимо торговли спиртными напитками, панской монополией стала торговля солью³⁵, смолой и дёгтем³⁶.

Всё это помещичье предпринимательство приводило к упадку городской промышленности и городской торговли. Крестьяне Речи Посполитой — плохие покупатели изделий городской промышленности. Они очень бедны, наделы земли у них небольшие, крестьяне замучены барщиной, натуральными и денежными налогами. Денег у крестьян почти нет: у них мало продуктов для продажи, да и конкурировать с фольварком в экспорте и на внутреннем рынке бесперспективно. Жители городов всё меньше покупали сельскохозяйственные продукты и всё более обзаводились собственными огородами и полями. Евреи покупали на базаре тоже не всё: многие из них были связаны с арендой, мельницами, часть продуктов им навязывал помещик. Ремесленников забрасывали сырьём из фольварков.

Конечно, рынок в городе всё-таки существует. Крестьяне, пусть по невысокой цене, всё же продают свои продукты. Но если у крестьянина в кармане и окупится несколько грошей, то их вытянет прежде всего помещик — налогами за водку, соль, смолу и т. д.

Городскому ремесленнику не приходилось рассчитывать на сбыт своих изделий среди высших сословий, которые дёшево покупали промышленные изделия за границей, провозили товары без пошлины. Наконец, городского ремесленника подрезает конкуренция крепостных ремесленников. Их немало в деревнях, они были и в городе: в замке, в шляхетских усадьбах — юридиках. Конкурировать с ремесленниками замков и юридик было трудно, так как они не платили городских налогов и не были подчинены стеснительным распоряжениям, подобно цеховым мастерам. В таких условиях городское ремесло хирело. Исследователи городской цеховой промышленности констатируют упадок цехового ремесла в городах Украины, оккупированной Польшей, и в городах всей Речи Посполитой³⁷. Антонович приводит такие факты: в 1742 г. во Владимире-Волынском было 12 цехов, но все они были так малочисленны, что общее собрание могло состояться лишь тогда, когда цехи собирались все вместе; в Луцке 20 цехов слились в 4; в 1782 г. во Владимире все цехи развалились. Староконстантинов в этом отношении не являлся исключением. Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят об упадке цехового ремесла и в этом городе. В 1758 г. здесь было 12 цехов: меховщиков (овчинников), сапожников,

³⁴ Archiwum Rzewuskich. Rachunek percepty y expensy 1782 A.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Антонович В. «О промышленности Юго-Западного края»; Каманин И. Предисловие к Архиву ЮЗР. Т. II. Ч. V, стр. 49—50; Кутшеба С. «Очерки по истории государственного и общественного быта Польши», стр. 179. СПб. 1907.

шорников, ткачей, канатников, кузнецов, слесарей, столяров, бочаров, колесников, горшечников, мясников. В инвентарях следующих годов мы не встречаем цехов колесников, столяров и бочаров³⁸. Затем замирают цехи канатников, шорников, слесарей. Прожить на доходы от ремесла становилось всё труднее. Многие из ремесленников оставляют свои профессии, уходят от ремесла.

Если трудно стало заниматься ремеслом, то ещё труднее было торговать. Кто из торговцев имел возможность переменить занятие, оставлял торговлю. В XVIII столетии горожан-христиан торговцев не видно, они оставили свою профессию.

Куда же уходят разорившиеся торговцы и ремесленники? Единственным выходом было возвращение к сельскому хозяйству. Помещик, разгромив мещанское землевладение, не был в состоянии использовать всю награбленную землю. Из фонда отнятых у горожан земель он готов был им же предоставить отдельные участки, с условием выполнения феодальных повинностей. В 1728 г. мещане за пользование предоставленными им участками отдают помещику «десятину хлеба и сена» и отвозят её туда, куда укажут³⁹. С течением времени, с увеличением числа мещан, желающих получить землю, становится невозможным получить её «за десятину». Помещик предоставляет землю уже не во временное пользование, а с условием прикрепления земледельца к определённой участку земли. Панская инструкция середины XVIII столетия считает оставление мещанином своего участка земли «своеволием», предписывает панской администрации иметь за этим «своеволием» строгий надзор, «предупреждать его». С закреплённого за земледельцем участка земли помещик требует и иных «повинностей»: не «десятину», а определённую сумму чинша, взносов продуктами, работ. Среди «повинностей» мещан-земледельцев вначале преобладают денежные взносы, взносы продуктами незначительны — по одной курице и 3 яйца. Еженедельной барщины мещане-земледельцы тоже не несут, отбывают лишь дни летние, шарварки, подводную повинность⁴⁰. Не имея другого исхода, мещане массой переходят в крестьянское положение. Рассматривая инвентари города конца XVIII столетия, мы замечаем, что горожан-христиан, не занимающихся земледелием, осталось немного и с каждым годом становится всё меньше. К последней трети XVIII столетия все жители предместий города перешли к земледелию. Растёт число лиц, занимающихся сельским хозяйством, и в центре города: в 1781 г. их было 53, в 1790 — 95, в 1800 — 98. В 1800 г. в центре города имелось всех хозяев-христиан 121, из них 98 занималось сельским хозяйством; среди 21 хозяина, не имевших земельных наделов, — 3 цыгана, 13 халупников, т. е. разорённых бедняков⁴¹. Итак, большинство мещан превращалось в крестьян, было подчинено фольварку, на них была возложена феодальная рента, пока что преимущественно денежная.

К своим нуждам фольварк приспособляет и уцелевших ремесленников. Кроме денежных взносов от ремесленников начинают требовать выполнения барщинных работ. В 1737 г. цех сапожников обязали «выправлять для нужд панских кож столько, сколько будет нужно»⁴².

В конце XVIII столетия «каждый сапожник обязан был бесплатно выправить по одной большой коже, либо вместо большой две зимовалых или четыре телячьих»⁴³. В 1758 г. «каждый ткач, состоящий в цехе»,

³⁸ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1758 A.

³⁹ Ibidem, Inw. 1728 A.

⁴⁰ Ibidem, Inw. 1758 A.

⁴¹ Ibidem, Inw. 1781, 1790, 1800 A. A.

⁴² Грамота цеху сапожников г. Староконстантинова.

⁴³ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1797 A.

обязан был «бесплатно изготовить для замка за год одну полсотню полотна из пряжи», выданной замком⁴⁴. В 1758 г. барщинные работы стали обязательными для всех цехов: «Цехи кузнецов, слесарей, горшечников, бочаров, шорников, верёвочников, колесников должны отдавать чинш и другие взносы, как обозначено в списках», сверх того, «обязаны ходить по-очереди на работу в замок»; «Цех меховщиков обязан по давнему обычаю выправлять для замка бараньи кожи, сколько бы их ни было»; цех сапожников, кроме того что он бесплатно выправлял кожи, должен был давать работников в имение для починки шор, сколько потребует имение⁴⁵. Любопытно, что лет сорок назад, в 1719 г., цехмистр меховщиков жаловался, что цеху приказывают бесплатно выполнять работу на замок⁴⁶. Тогда это было необычно.

Некоторые из ремесленников стали выполнять исключительно барщинные работы. Инвентарь 1758 г. предписывает иметь в замке двух кузнецов, столяра, бочара, двух горшечников. Работая в замке, ремесленник освобождался от уплаты чинша, подымного и других городских складчин⁴⁷. Таким образом, городской ремесленник превращался в ремесленника помещичьего двора.

Итак, результатом панско-шляхетского хозяйничания был упадок города на фоне общего хозяйственного и общественного упадка страны. Городская промышленность, городское ремесло хиреют. Ремесленники переходят к земледелию, сначала совмещая ремесло с земледелием, потом оставляя ремесло. Земледелие становится у некоторых ремесленников главным, у многих — единственным занятием. Немало из оставшихся ремесленников идёт по линии превращения из производящих промышленные изделия для рынка в ремесленников замка, дворских; идёт по линии превращения из в известной мере свободных, городских ремесленников в ремесленников барщинных, снижаясь до положения крепостных крестьян. В XVI столетии многие мещане-христиане занимались торговлей, в XVIII столетии мещан-христиан, занимающихся торговлей, не видно. Все они оставили торговлю, перешли к земледелию.

Мы, видим, что развитие шло не по линии отделения города от деревни, промышленности — от сельского хозяйства, а по линии соединения промышленной деятельности с земледелием, приближения города к деревне. Панско-шляхетское хищничество не только тормозило прогрессивное развитие страны, оно, разоряя город и деревню, толкало страну на путь регресса, как хозяйственного, так и общественного.

Исследуя жизнь городов Речи Посполитой, нельзя обходить вопроса о жизни еврейских кварталов. В Староконстантинове евреи составляли более трети населения, а если исключить предместья, в центре города, — около половины: в 1797 г. из 2758 жителей центра города евреев насчитывалось 1356. В хозяйственной жизни города они играли важную роль. Евреи были изолированы от остального населения, заключены в гетто, жизнь их текла своеобразно, и её удобно рассмотреть отдельно.

Евреи в хиреющем городе живут по-разному. Еврейское население весьма неоднородно, классовая дифференциация среди евреев резка. Из немногочисленных групп еврейских богачей многие, если не большинство, связаны с панским хозяйством, ряд доходных статей которого отдаётся на откуп — в «аренду». Панских «аренд» много: в «аренду» от-

⁴⁴ Archiwum Rzewuskich. Inw. 1758 A.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem, Fa. 13, № 52.

⁴⁷ Ibidem, Inw. 1758 A.

даётся водочная и пивная монополия, а вместе с ней сбор померного с мельниц; в «аренду» отдают право монопольной продажи дёгтя и сена, таможенные сборы, спуск прудов и т. д. Арендаторами-откупщиками в подавляющем большинстве случаев были евреи. Бывали и не евреи; так, в 1778 г. среди откупщиков староконстантиновской «аренды» мы видим пана Медынского⁴⁸. Богачи-откупщики панских «аренд» среди евреев встречались единицами, но с ними были связаны десятки менее обеспеченных евреев: субарендаторы, многочисленный обслуживающий персонал, много продавцов монополизированных и навязываемых паном продуктов — корчмари, продавцы соли, дёгтя, сена, овса, рыбы; сборщики мыт, померного и т. д.

В Староконстантинове много еврейских семейств было связано с торговлей, но далеко не большинство. В 1769 г. в городе было 323 еврейских дома, а торговых помещений — 100⁴⁹. Если мы допустим, что в каждом еврейском доме жила одна семья, и то получается, что торговлей было занято менее трети евреев. Необходимо учесть, что Староконстантинов в XVIII в. был в исключительном положении как торговый город. И. М. Каманин пишет: «Староконстантинов был известен как склад всякого рода товаров, шедших из Литвы в Подолье, Румынию, Турцию и обратно; сюда свозились изделия этих стран для распространения в Литве»⁵⁰. Торговля Речи Посполитой со странами Ближнего Востока, нам кажется, не была похожа на торговлю с Западной Европой. Продукты из фольварков вывозят на север и северо-запад; вывоз продуктов барского хозяйства на юг встречается редко. Поэтому помещики привозят продукты стран Ближнего Востока реже, чем западно-европейские. По наблюдениям В. Б. Антоновича, привозили всё же с Востока немало товаров: везли шёлковые материи — турецкий атлас, камку, китайку; привозили турецкие, персидские и китайские шали и пояса; шляхта носила восточное сукно и шерстяные ткани — мультан; покупала дамасские сабли, турецкие карабелы (кривые сабли)⁵¹. Исключительно благоприятные условия торговой деятельности в этом городе привлекают сюда евреев из других, хиреющих городов Речи Посполитой. Число еврейских домов растёт: в 1797 г. здесь имелось уже 468 еврейских домов; евреи открывают новые торговые помещения, в 1797 г. их насчитывалось 160⁵². И всё же, подсчитывая число домов и торговых помещений, мы видим то же соотношение: торговлей занято не более трети еврейского населения. Многих, переселившихся сюда в надежде найти занятие в торговле, ожидало разочарование. Это понятно: в стране, доведённой шляхтой до нищенского состояния, дорогие вещи покупают немногие, кроме того их покупают редко, не как предметы ежедневного обихода. Занятие торговлей обеспечивало не в одинаковой мере. Далеко не все торговцы были богатыми, даже зажиточными. В инвентаре города 1797 г. указано 18 лавок под одним домом, во всех этих лавках продают одно и то же — горшки и стекло. Дома в XVIII столетии, тем более в провинциальных городах, были невелики, лавчёлки, ясно, были очень малы. Изобилия покупателей этого товара быть не могло. Большой прибыли от такой торговли нечего было ожидать.

Если только около трети еврейского населения занято в торговле, несколько десятков семейств кормятся возле «аренды», чем же живёт остальная часть — большинство еврейского населения? Среди евреев очень много ремесленников. Многие из цеховых мастеров — евреи. В

⁴⁸ Archiwum Rzewuskich. Fa. 178, № 10.

⁴⁹ Ibidem, Inw. 1769 A.

⁵⁰ АЮЗР. Т. II. Ч. V. Предисловие, стр. 59.

⁵¹ Антонович В. «О промышленности Юго-Западного края в XVIII ст.». Записки Ю. З. Отдела И. Р. Географического общества, стр. 189. Киев. 1873.

⁵² Archiwum Rzewuskich. Inw. 1797 A.

грамоте, выданной в 1737 г. цеху сапожников, говорится о мастерах, членах цеха — христианах и евреях⁵³. Цех портных находится под надзором еврейской общины — кагала. Кагал распоряжается взносами, получаемыми от вступающих в цех портных⁵⁴. У нас есть основания предполагать, что большинство, возможно все члены цеха портных, были евреи. Мы видели, что условия работы и жизни ремесленников крайне тяжелы. Христиане-ремесленники бегут от ремесла, меняют ремесло на земледелие. Но евреям бежать некуда, к земледелию их не допускают. Остаётся цепляться за ремесло и, чтобы жить, понижать уровень своих жизненных потребностей до крайности.

Но все евреи, не находившие средств к существованию в аренде и торговле, ремесленниками быть не могли. Разгромленная панством городская промышленность не могла прокормить сотни семейств даже при понижении до крайности уровня жизненных потребностей. Среди евреев много чернорабочих, грузчиков, извозчиков, водоносов, прислуги, много лиц, живущих случайными, в большинстве случаев тяжёлыми, зачастую унижительными, заработками.

Итак, в Староконстантинове, который считался крупным торговым центром, подавляющее большинство еврейского населения — чернорабочие, люди без постоянных определённых занятий, бедняки-ремесленники, к ним нужно прибавить и мелких торговцев — находилось в крайней нужде. Не следует считать обеспеченными и низших служащих аренды. Евреев-богачей оставалась незначительная кучка: откупщики «аренды», небольшая часть торговцев, ростовщики.

Господствующей группой населения в городе были шляхетные. Хозяин города — князь, «его милость»; всё население — его «подданные». Владельцами Староконстантинова были крупнейшие магнаты, вершители судеб Речи Посполитой — князья Любомирские, Сангушки, Чарторийские⁵⁵. Князь в городе не живёт; если и приезжает, то не затрудняет себя административными и хозяйственными «мелочами». Управление он поручает своим служащим. Среди них главной фигурой является губернатор города и ключа. За ним следуют служащие центрального управления — замка и ключа, — руководители отдельных отраслей помещичьего хозяйства: лесничий, заведующий прудами, администратор местного фольварка⁵⁶. Все они шляхетные. В их руках находилась жизнь всего городского населения. При замке имелись вооружённые отряды замковых казаков и татар: замковые казаки жили в городе, их насчитывалось около двух десятков⁵⁷, татары также жили в городе — на татарской улице; в 1758 г. было 10 татарских хозяйств⁵⁸. В городе жили и находившиеся «на службе» замковой и фольварковой надсмотрщицы панских пашек, пасечники, лановые, гумёшный, мостовничие, башенные; охранники полей, леса, пруда; сторожа замка, панских строений; рыбаки, пастухи, свишари, десятники, прачки и т. д.⁵⁹. При замке, при управлении ключа, были дворские ремесленники: плотники, бочары, горшечники, каменщики, кузнецы, слесарь, столяр⁶⁰. Всё это «слуги замковые, панские», набранные из «подданных»; их много, около трети населения города; все они, конечно, не шляхетные. Кроме того в фольварке имелись и крепост-

⁵³ Грамота цеха сапожников г. Староконстантинова.

⁵⁴ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1758 A.

⁵⁵ Ibidem. Summariusz documentum ad bona tractus Stary-Konstantynów. Spis ważniejszych miejscowości w powiecie Starokonstantynowskim, str. 377.

⁵⁶ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1728, 1758, 1786 A. A.

⁵⁷ Ibidem, Inw. 1728, 1758, 1769 A. A.

⁵⁸ Ibidem, Inw. 1758 A.

⁵⁹ Ibidem, Inw. 1758, 1786, 1787 A. A.

⁶⁰ Ibidem, Inw. 1758 A, 1786 A, 1787 A. A.

ные крестьяне, которых в 1758 г. в подгородных деревнях Новиках и Стариках насчитывалось 71 хозяйство, из них 61 отбывало барщину⁶¹.

Высшие служащие, шляхетные, обеспечивались денежной платой и выдачей продуктов в натуре — «ординарией». Низший персонал, нешляхетные, были обеспечены землёй; высшие разряды их — замковые казаки, надсмотрщик пасек и др. — имели паровые наделы, остальные — одноконные и пешие. За службу в замке и фольварке все эти обеспеченные наделами слуги освобождались от «чинша, подымного», всяких «повинностей и работ»⁶².

Близко к группе высших панских служащих стояло городское духовенство, особенно католическое. Духовенство тоже выполняло панскую службу: оно идеологически утверждало и закрепляло феодальные отношения, господство шляхты. Католическое духовенство в большинстве состояло из выходцев из шляхты. Источники их существования были те же, что и у помещиков и высших служащих панского аппарата — шляхтичей. В городе был католический монастырь доминиканов, большинство монахов, если не все, были шляхтичи. Монастырю принадлежали земли и крепостные. В городе монастырь имел свою «юридику», свой фольварк: в 1758 г. в «юрисдикции доминиканов» находилось 69 хозяйств крепостных крестьян⁶³. Для усиления панской католической церкви в 1750 г. владелец города, князь Януш Сангушко, основал в Староконстантинове второй католический монастырь — капуцинов. В 1760 г. капуцины получали от помещика ежегодно 100 злотых «на рыбу»; «ординарии» — 688 корцев ржи, 184 корца пшеницы, 288 корцев ячменя, 1200 корцев овса, 368 корцев гречихи, 52 корца пшена, 52 корца гороха, 2 кормленых кабана, 28 бочек соли⁶⁴. Эта «ординария» равна доходу от очень крупного фольварка. Уже к 1758 г. капуцины обзавелись крепостными крестьянами, в городе, в «юрисдикции отцов капуцинов», имелось 7 крепостных хозяйств⁶⁵.

Церковь восточного (православного) обряда была переведена в унию. Помещики обеспечили духовенство городских церквей большими земельными участками: полями, сенокосами, хуторами⁶⁶. Доходы униатского духовенства были не меньше доходов панских служащих высшего разряда. Пан имел право патроната; он представлял кандидатов на духовные должности, выдавал им «презенту» и просил епископа посвятить представляемого кандидата⁶⁷.

С панским аппаратом были тесно связаны все, причастные к «аренде». Во главе этой группы стоят арендаторы — откупщики панских монополий, мыт, прудов и др.: это — аристократия «аренды». За ними стоит обслуживавший «аренду» персонал: изготовляющие и продающие водку, пиво, мёд, работающие на мельницах; работающие на кирпичном, свечном заводах⁶⁸; продающие рыбу, соль, дёготь, смолу и другие монополизированные продукты; сборщики мыт и т. д.

Итак, наиболее многочисленную группу населения Староконстантинова составляли работающие и служащие в панском аппарате либо лица, тесно связанные с этим аппаратом. В городе с разорённой панским хозяйничанием торговлей и промышленностью, в городе, вся жизнь которого была подчинена интересам панского хозяйства, эта группа населе-

⁶¹ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1758 A.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Пероговский. Указ. соч., стр. 208, 209.

⁶⁵ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1758 A. Пероговский. Указ. соч., стр. 170—171.

⁶⁶ Теодорович «Волинь». Т. IV, стр. 65—66.

⁶⁷ Пероговский. Указ. соч., стр. 175.

⁶⁸ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1797 A.

ния, прежде всего её верхушка, являлась наиболее состоятельной, наиболее сильной и влиятельной. В городах Правобережной Украины, разорённых шляхетской Речью Посполитой, других состоятельных групп обычно не было. Лишь некоторые города были исключением. Исключением, возможно, был и Староконстантинов: город вёл сравнительно крупную торговлю с Литвой и странами Востока, и можно предполагать здесь наличие богатых купцов.

Остальное население города было принижено и бедно. Подавляющее большинство мещан-христиан перешло к сельскому хозяйству, окрестянилось. Они отличались от крестьян окрестных деревень лишь тем, что главной их повинностью был чинш, а не барщина, рента была денежная, а не отработочная; кроме того они продолжали числиться в сословии мещан. Незначительная группа мещан-христиан ещё продолжала заниматься главным образом ремеслом. Работа городского ремесленника малоодоходна и бесперспективна. Бегство от ремесла к земледелию продолжается.

Ещё в худшем положении находились евреи, запертые в стенах своей общины, так как даже к земледелию их не допускали. Большинство еврейского населения постоянно находилось в полуголодном состоянии.

Разорив городскую промышленность и торговлю, превратив мещан в зависимых крестьян, формально лишь числившихся мещанами, вельможные владельцы города свели к пустой формальности и городское самоуправление — магдебургию. При проведении своей реакционной политики, разоряющей страну, паны должны были ломать сопротивление населения. Прежде всего им нужно было лишить мещан своего органа самоуправления, который мог бы их объединить и организовать в борьбе с панским грабежом. Владельцы Староконстантинова не сочли удобным сразу ликвидировать существующую на протяжении столетий магдебургию. Сохраняя форму городского самоуправления, они старались влить в неё иное содержание — превратить магдебургию в орган, помогающий замку господствовать над городом, ломать сопротивление городского населения. Для осуществления этого они сочли необходимым прежде всего поставить во главе городского самоуправления своих людей. Острая борьба за магдебургию развернулась во втором десятилетии XVIII века. Мещане, считая, что на основании «Магдебургского права, пожалованного им князем», они могут избирать на должности лентвойта, бурмистров, присяжных, «кого пожелают» из людей «достойных», к ним «доброжелательных» и о них «заботящихся», избрали городское самоуправление. Но посессор города отменил их «добровольные выборы» и навязал им «по своему желанию» на должность лентвойта Трояна, «давнего погубителя города». «Избрание Трояна», по словам мещан, было проведено так: «Вельможный державца приказал слуге сгонять бухом мещан в ратуш»; там согнанным мещанам слуга зачитал протокол выборов, «писанный рукой самого державцы»; слуга с угрозами настаивал, «дабы Троян непременно был избран на должность лентвойта», и мещане должны были согласиться, «боясь беды». Затем последовала расправа с кандидатами мещан в магистрат. Один из них — «Лесько Редька, рыбак, был избит, покалечен, пять дней и ночей сидел в яме». Державца учинил над ним расправу «за то, что мещане избрали его (Лесько Редьку. — А. Б.) на должность бурмистра». Мещанин Хвесько Радченко был брошен в ту же яму за то, что говорил: «Будем жаловаться на державцу, что нам поставил лентвойтом погубителя Трояна», — в яме Радченко просидел «несколько дней и ночей», там «чуть не задохнулся от вони»⁶⁹.

⁶⁹ Archiwum Rzewuskich, Fa. 13, № 52, 53.

Борьба за самоуправление, принимая различные формы, тянулась годами. Сведения об этой борьбе в панских архивах редки и случайны. Перевес сил был явно на стороне панов. Магдебургия в борьбе с вельможными располагала весьма небольшими силами. Нужно учесть, что она отнюдь не являлась органом всего городского населения, даже большинства его. Магдебургия была представительством меньшинства городского населения, притом части, экономической и общественно более слабой. Шляхта и городское духовенство не были подчинены магистрату: в городе в 1797 г. находилось 155 шляхетных с членами их семейств, духовных — 57⁷⁰. Все служащие и работающие в замке, управлении ключа, фольварке были непосредственно подчинены замку и не были подвластны городскому самоуправлению. Они составляли около трети населения города. В городе имелись усадьбы соседних помещиков, жители которых были подчинены своим помещикам и не были подвластны ни владельцу города, ни магистрату. Такие усадьбы носили название юридик. В 1758 в юрисдикции доминиканов находилось 69 хозяйств «подданных», в юридиках разных панов — ещё десятки «подданных», всего — более сотни семейств⁷¹. Многочисленное еврейское население не подчинялось магдебургии и имело своё самоуправление — кагал. Цыгане также имели собственное самоуправление, своего «цыганского войта»⁷². Таким образом, магдебургия была органом значительного меньшинства населения города, органом разорённых, превращённых в зависимых земледельцев, предмещан и мещан-христиан и кучки бедных ремесленников.

Во главе магдебургии были поставлены угодные замку лица, старательно выполнявшие панскую волю. Деятельность их была строго определена панскими распоряжениями — «диспозициями». Деятельность городских самоуправлений и раньше — в XVI—XVII вв. — допускалась лишь в строго определённых паном рамках. Но когда помещик был заинтересован в том, чтобы использовать рост города, когда ему приходилось считаться с ростом количества городских торговцев и промышленников, рамки эти были значительно шире. Теперь же, разоряя во имя интересов фольварка городскую промышленность и торговлю, паны всё более сокращают деятельность городского самоуправления. Так, владельцы г. Дубно в 1699 и 1727 гг. своими «диспозициями» точно определяют порядок выборов магистрата; указывают, кого может судить городской суд, какие дела он имеет право разбирать, каковы должны быть судебные экзекуции; они регулируют финансовое хозяйство городского самоуправления, его административную деятельность, регулируют экономическую жизнь города — устанавливают меры объёма, веса, таксу на продукты⁷³. Сужение рамок городского самоуправления панскими «диспозициями» проводится в ряде городов.

В сборнике панских «диспозиций», регулирующих деятельность магистрата Староконстантинова, помещённом в инвентаре 1758 г., ясно сказано, что «власть и старшинство» в городе принадлежат поставленному владельцами города «пану губернатору», управляющему именьями всего ключа. Во главе городского самоуправления стоит войт — «первая голова в городе». Его избирают мещане, но избранный должен быть утверждён замком. Избранные бургомистры тоже должны быть утверждены замком.

Войт судит мещан. Приговор суда войта может быть обжалован перед замком, апелляция «должна быть допущена». Бурмистр — «вторая после войта голова в городе», его обязанность — «чинить порядок в городе». При наведении «порядка» бурмистры обязаны были «повиноваться»

⁷⁰ Archiwum Rzewuskich, Fa. 13, № 52, 53.

⁷¹ Ibidem, Inw. 1758 A.

⁷² Ibidem, Inw. 1783 A.

⁷³ АЮЗР. Т. I. Ч. V, стр. 177 и 318—319.

замку, принуждать горожан выполнять приказы и распоряжения замка, выполнять «повинности». Принуждение горожан к выполнению повинностей на помещика было основной задачей магистрата. Магистрат наблюдал за выполнением мещанами барщинных работ на фольварковом поле, за выполнением подводной повинности, «шарварковых» работ. Магистрат обеспечивал противопожарные мероприятия, тушение пожара, ночную охрану города. В панской «диспозиции» даже детально описано, как всё это должно быть организовано. Магистрат только проводит в жизнь панские инструкции, следит за их выполнением. Нарушителей панских распоряжений он привлекает к ответственности перед замком. Вся административная работа магистрата, в сущности, сводилась к точному выполнению панских «диспозиций».

Такое, целиком подчинённое замку, превращённое в вспомогательный орган панской администрации, городское «самоуправление» не имело самостоятельных финансов. Специального обложения на нужды магистрата не было. Магистрат производил сбор государственного налога — подымного. Из собранных денег он выплачивал подымное государству, платил татарским хоругвям, платил городским слугам. Излишки из собранного подымного он мог тратить на нужды города лишь по указанию замка. Все работы по благоустройству города проводились только с ведома замка и на средства, отпускаемые замком. Замок из доходов от аренды константиновской отпуская на починку мостов ежегодно 200 злотых. В их израсходовании войт отчитывался перед замком. Если на ремонт указанных мостов было истрачено не полностью 200 злотых, то на оставшиеся деньги замок разрешал «ставить мосты в городе в нужных местах»⁷⁴. Очистка города: вывоз из города сора и навоза, содержание городских насосов, очистка труб и дымоходов — производилась за счёт кагала⁷⁵. Все городские доходы и расходы точно были обозначены замком, магистрат лишь выполнял установленное замком расписание этих доходов и расходов. Поэтому магистрат в исполнении бюджета отчитывается только перед замком, а не перед городом. Городское самоуправление обязано было представлять все счета в замок «для подписи и просмотра»⁷⁶. Так было и в других городах: в г. Дубно панская «диспозиция» предписывает магистрату отчитываться перед замком в приходах и расходах каждый квартал⁷⁷.

Иначе дело обстояло в XVII столетии, когда магистрат имел свои средства и распоряжался ими самостоятельно⁷⁸. И Староконстантиновский магистрат в XVII в. имел ряд своих доходов, которыми распоряжался самостоятельно: в начале XVII столетия мы видим здесь доходы «города либо войта», «к которым замок не имеет никакого дела» — судебные доходы, доходы от воскобойни, бани, от складов и лавок под ратушей, от многих торговых помещений вне ратуши, «померное» от продаваемого в городе зерна⁷⁹. Город в это время не только имел свои средства, но действительно имел, пусть ограниченное, самоуправление. Но раньше и город был городом, и мещане были тогда торговцами либо ремесленниками, а не зависимыми крестьянами.

Теперь же сохранилась только вывеска магдебургии, самоуправления не осталось. Городом правят вместо избранного мещанами магистрата подобранные замком помощники панской администрации, вся деятельность которых сводится к исполнению панских распоряжений. Основная функция городских «властей» — «принудить горожан к вы-

⁷⁴ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1758 A.

⁷⁵ Ibidem, Inw. 1797 A.

⁷⁶ Ibidem, Inw. 1758 A.

⁷⁷ АЮЗР. Т. I. Ч. V, стр. 319.

⁷⁸ Там же, стр. 62, 94.

⁷⁹ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1603 A.

полнению приказов и распоряжений замка», а о «непослушных» доводить до сведения замка.

Ничтожная роль городского магистрата в XVIII в. ярко выражена в «диспозиции». Там написано: «Горожане обязаны в основных делах слушать распоряжение замка», а «войта, бурмистров, писаря, лавничих, подлавничих в делах частных», «второстепенных»⁸⁰.

Второе городское самоуправление — кагал — имело больше самостоятельности, и рамки его деятельности были шире.

Кагал объединял иные слои городского населения: там находились арендаторы панских монополий, городское купечество, ростовщики, в кагале имелось много ремесленников, земледельцы же совсем отсутствовали. С этими группами населения помещик должен был более считаться: без арендаторов, без торговцев монополизированными товарами помещики обойтись не могли. Шляхетный пан третирует еврея, издевается над ним, но еврей ему нужен; нужен не только арендатор, корчмарь, мытник. У евреев есть деньги; борясь постоянно за существование, изворачиваясь в самых тяжёлых условиях, еврей продолжает торговую и промышленную деятельность. Еврей изощряется в погоне за деньгами, без них он существовать не может: у него нет ни поля, ни огорода, нет своего хозяйства, всё необходимое для жизни он покупает. Еврей беззащитен. Живут евреи островками среди народов Речи Посполитой, живут в условиях шляхетской анархии, панского своеволия. Евреев травят; антисемитская пропаганда в костёле, в церкви — обычное явление. У беззащитного, затравленного еврея всеильный пан может вырвать деньги без особого затруднения. В 1786 г. весь доход пана от г. Староконстантинова исчислялся суммой в 5022 злотых, из них доход от евреев — трети населения города — составлял 2940 злотых, т. е. 58%⁸¹. Это — прямое обложение евреев, но есть ещё и косвенное: налоги от торговли, от промышленного производства, мыта и т. д. главным образом платят евреи.

От евреев пан имеет большие доходы, поэтому пан их терпит, позволяет им существовать, разрешает им иметь свою общину. Но если евреям пан разрешает жить постольку, поскольку он имеет от них доход, то и еврейское самоуправление допускается постольку, поскольку оно помогает пану использовать евреев в своих интересах.

Для уяснения жизни кагала мы могли использовать только панские «диспозиции». «Диспозиция» охватывает жизнь кагала весьма неполно. Это приводит к мысли, что многие стороны жизни еврейской общины пан предоставил регулировать ей самой. Пана интересуют прежде всего финансы кагала. Повидимому, в финансовом хозяйстве кагал имел больше самостоятельности, чем магдебургия. Кагал имел свои средства, получал он их путём обложения членов общины. Главные доходы кагала — коробочный сбор, симпля, такса. Симплю платят еженедельно, прежде всего торговцы и ростовщики. «Кто торгует в городе», платит от каждых 100 злотых своего, вложенного в торговлю капитала 4 гроша, от каждых 100 злотых одолженного капитала — 1 грош. Так же платят отдающие деньги в рост. Симплю платят владельцы водочных котлов — по 8 грошей от котла. Такса вносится раз в год. Торговцы платят таксу — от каждых 100 злотых вложенного в торговлю капитала по 20 грошей, одолженного — по 10 грошей. При сборе налога принято было считать, что из вложенных в торговлю денег одна треть составляет собственный капитал купца, две трети — одолженный. Большой доход кагалу даёт обложение предметов потребления широких масс еврейского населения. «Ни один еврей не

⁸⁰ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1758 A.

⁸¹ Ibidem, Inw. 1786 A.

имеет права сам для своих нужд убивать скот», «мясо должен покупать только у мясников-евреев». Убой скота мясниками-евреями обложен кагалом. Брали от каждого вола, тёлки, бычка, овцы, гуся, индюка, петуха, курицы, утки, голубя. Кагал имел доходы и от ремесленников. В сборе налогов он был более самостоятелен, чем магдебургия. Сборы коробки, симпли, таксы, штуковое от мясников кагал либо отдавал на откуп «тому, кто уплатит за них большую сумму» либо собирал сам, выделяя для сбора «верных»⁸².

Пан разрешает кагалу собирать много денег не без выгоды для себя: он перекачивает эти деньги в собственный карман. Сам он никогда не смог бы так полно взыскать деньги с каждого торговца, ремесленника, за каждый съеденный евреем кусок мяса. Староконстантиновский кагал платит ежегодно пану из своих доходов 1046 злотых⁸³ даёт два спуста водки во время летних барщинных работ и шарварков⁸⁴. Кроме того на содержание двух сторожей замка он отпускает 200 злотых. Староконстантиновскому эконому кагал даёт «на мясо» 300 злотых, ему же «праздничного» — 120 злотых, «праздничного» служащим замка — 30 злотых. Из кагала тянут и на городские нужды: за вывоз из города сора и навоза ежегодно — 120 злотых, за очистку труб в городе — 160 злотых, на содержание городских насосов — 200 злотых⁸⁵. Кагал даёт «праздничное» магистрату и доминиканам в размере 250 злотых. Кагал даёт деньги даже на воск для свечей в костёле⁸⁶. Кагал платит тысячи злотых. Известно, что Речь Посполитая также взваливает на плечи еврейского населения, кагала, ещё громадное бремя государственных налогов.

Мы знаем, что кагалы из своих обычных доходов не были в состоянии делать эти непомерные платежи. Известно, что кагалы влезали в долги, запутывались в них. Запутался в долгах и в конце концов обанкротился и Староконстантиновский кагал. В 1793 г. один из его кредиторов — монастырь отцов доминиканов — привлёк кагал к судебной ответственности за неуплату долгов и наложил арест на имущество старшин кагала. Монастырь предъявил ко взысканию долговые обязательства кагала от 1736 г. на 1 тыс. злотых, от 1751 г. — на 1500 злотых, от 1752 г. — на 3 тыс. злотых, от 1753 г. — на 1 тыс. злотых, кроме того обязательство, переуступленное паном Шашкевичем, на 3 тыс. злотых, всего — на 9500 злотых плюс проценты на эту сумму⁸⁷.

Пан эксплуатирует кагал, держит в руках еврейскую общину, опираясь внутри общины на еврейских богачей, в первую очередь на зависимых от него арендаторов панских монополий. Управление еврейской общины целиком находится в руках еврейских богачей, которые при помощи кагального аппарата держат в полном подчинении всю массу эксплуатируемого ими еврейского населения. Правом голоса при избрании кагального старшины в Староконстантинове пользуются не все евреи. Желаящий принять участие в избрании «старшин, либо симпляров», должен целый год платить симплю и кроме того, в счёт будущей симпли, уплатить не менее 20 грошей. Если право голоса принадлежит только плательщикам симпли, симплю же платят арендаторы, торговцы и ростовщики, то право голоса имеет значительное меньшинство еврейского населения, еврейские богачи. В «диспозиции» написано: «Если бы кто из евреев более низкого состояния пожелал принять участие в избрании старшин, то этот новый должен уплатить,

⁸² Archiwum Rzewuskich. Inw. 1578 A.

⁸³ Ibidem. Inw. 1786 A.

⁸⁴ Ibidem, Inw. 1728, 1758 A. A.

⁸⁵ Ibidem, Inw. 1797 A. A.

⁸⁶ Ibidem, Inw. 1758, 1797 A. A.

⁸⁷ Ibidem, Fa. 90, № 2.

кроме симпли за год, один злотый и 10 грошей, ремесленник же — 2 злотых». Лишь после этого он может быть допущен к голосованию. Выборы в кагал не были прямыми. Имеющие право голоса избирали пять избирателей (elektorów), а эти пять электоров избирали четырёх кварталных, двух лавничих, двух подлавничих, четырёх пушкарей. Руководящая роль в кагале принадлежала кварталным. Но сразу стать кварталным было невозможно, была установлена постепенность в занятии кагальных должностей. Каждый из избираемых начинает с должности пушкаря, потом может быть избран подлавничим, потом лавничим и лишь наконец кварталным. Чтобы стать кварталным, мало пройти все указанные ступени, нужно ещё обладать большим имуществом: кварталным не может быть избран тот, кто не платит 40 злотых симпли. При таком сужении круга избирателей, при такой системе выборов кагальное управление было в руках узкой группы еврейских богачей, небольшой клики, не раз — в руках нескольких родственных семейств. Даже паны были принуждены запретить быть старшинами людям, находящимся друг с другом в родстве либо в сватовстве, допускалось лишь «родство третьего поколения с четвертым»⁸⁸.

Во второй половине XVIII в. обессиленному шляхетным панством городу были нанесены новые удары, сократившие и те жалкие остатки, которые уцелели при варварском хозяйничании польско-шляхетской реакционной клики.

В середине XVIII в. в Европе растёт спрос, растут цены на продукты сельского хозяйства, растут цены и в землях Речи Посполитой. В южных районах Вольнского воеводства, окрестностях Староконстантинова, цены возросли в несколько раз: цена на корец ржи поднялась от 2 злотых до 8, на корец овса — от 1,5 до 8, корец пшеницы в 1764 г. стоил 16 злотых.

Этот быстрый рост цен вызвал новый бурный прилив панской жадности. Паны увеличивают площади фольварковых полей, увеличивают размер барщинных работ. А это усиление эксплуатации совершенно подрывало крестьянское хозяйство. От чрезмерной работы и недостаточного питания гибнет крестьянский рабочий скот, растёт число однолошадных и безлошадных хозяйств. Разорённые крестьяне не в силах были обработать свои наделы; в Вишневецком ключе в отдельных сёлах было от 9 до 34% заброшенных крестьянами пахотных земель⁸⁹. Это разорение крестьян было весьма ощутительным ударом по городу, оно подрезывало и без того небольшую покупательную способность деревни. Городскому ремесленнику, торговцу, до сих пор едва перебивавшемуся, теперь делать было совсем нечего. В середине XVIII столетия в Староконстантинове ещё был ряд цехов, к концу XVIII столетия большинство их исчезло.

В поисках средств существования во второй половине XVIII столетия горожане особенно усиленно переходят к земледелию. В 1768 г. во всех предместьях города — Закузьминском, Заслучском и в Новом городе — было 239 хозяев, из них 132 хозяина имели пахотные наделы; в 1787 г. в тех же предместьях находилось 243 хозяина, из них пахотные наделы имели уже 233 хозяина. В Старом городе в 1768 г. из 119 хозяев занимались земледелием 31, а в 1787 г. из 120 хозяев — 84⁹⁰. Площадь пахотных земель мещан и предмещан продолжает ра-

⁸⁸ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1758 A.

⁸⁹ Баранович А. «Нариси...», стр. 51—53, 81.

⁹⁰ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1768, 1787 A. A.

сти и в последующие годы: с 1787 по 1797 г. она выросла в Закузьминском предместье и в Новом городе вдвое, в Старом городе — втрое⁹¹.

Превратив горожан в земледельцев, крестьян, панство изменило их повинности. При росте цен на зерно помещики увеличивают размер барщины; в погоне за барщинным трудом они переводят на барщину крестьян, ранее плативших только оброк. Но этого им мало. Они стремятся втянуть в барщинные работы также и мещан, которые стали земледельцами. В середине XVIII столетия мещане и предмещане, как мы видели, платили только чинш и еженедельной барщины не выполняли. К 1797 г. в предместьях Староконстантинова чинш был заменён еженедельной барщиной. В Новом городе подавляющее большинство хозяев выполняет барщинные работы, в предместьях Закузьминском и Заслучском из 176 хозяев чинш платят 9 хозяев, все остальные переведены на барщину⁹². Переводят мещан на барщину и в других соседних городах⁹³. Староконстантиновские предмещане работают на барщине еженедельно по 2 дня. Кроме того все хозяева были обязаны отработать в год по 12 «дней летних» и 12 дней шарварков, отбывать и подводную повинность — везти груз 30 миль⁹⁴. Жителей центра — Старого города — на еженедельную барщину не погна́ли, но чинш увеличили: в 1787 г. от пароконного надела платили 10 злотых, одноконного — 6; в 1797 г. от пароконного — 30, одноконного — 15 злотых⁹⁵.

Барщинный день — максимальный: от восхода до захода солнца, перерыв на два часа даётся лишь косарям и жнецам. Пан устанавливает нормы выработки: на протяжении барщинного дня косарь должен был накосить не менее трёх коп ярового хлеба. Подсчитывая описанные барщинные работы, мы видим, что крестьянин отработывал на барина не менее 140 дней в году: 104 дня еженедельной барщины, 12 «дней летних», 12 шарварков, поездка с подводой отнимала не менее 12 дней. Кроме того переведённые на барщину хозяева должны были выполнять ещё ряд работ: сажать и поливать на помещичьих землях капусту, толочь просо и крупу, мочить коноплю, выходить на работу при «экстренной нужде», например, когда наводнение угрожает плотинам на прудах. Работу эту выполняли «без отчитывания дней барщинных и шарварковых»⁹⁶.

Для более точного представления о размерах барщинных повинностей необходимо ближе присмотреться к крестьянскому хозяйству, к семье, отбывающей эти повинности. Если это большая семья, если в дворе-хозяйстве много взрослых, если женатые сыновья не отделились от отца, то такой семье указанные повинности нести легче. Перепись населения Староконстантинова в 1797 г. показывает число хозяйств и число душ. Хозяйства, семьи не были большими: в семье было в среднем 5—6 душ, значит: двое взрослых — муж и жена, дети и старики. Если так, то помещик отнимает у хозяина, обязанного барщинными работами, около половины дней в году. Учитывая многочисленные в то время праздничные дни, учитывая, что барщинные повинности отбывались главным образом летом, мы можем считать, что хозяин отдавал помещику большую часть рабочего времени. Конечно, в областях Украины, подвластных панской Польше, это не было пределом. Достаточно вспомнить, что в окрестных деревнях отбывали и по три дня барщины в неделю. Уже одно это даёт, по сравнению с повинностями староконстантиновских мещан, лишних 52 дня в год.

⁹¹ Ibidem, Inw. 1787, 1797 A. A.

⁹² Archiwum Rzewuskich, Inw. 1797 A.

⁹³ Баранович А. Указ. соч., стр. 86.

⁹⁴ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1768, 1787 A. A.

⁹⁵ Ibidem, Inw. 1787, 1797 A. A.

⁹⁶ Ibidem, Inw. 1797 A.

Тяжёлые барщинные работы отнимали у мещан много времени и сил, не позволяя им уделять достаточного внимания собственному хозяйству. Их хозяйство приходило в упадок, барщинный мещанин разорялся. Количество рабочего скота в конце XVIII в. в городе было явно недостаточное. В 1768 г. в городе и предместьях лошадей было 305 (о волах нет данных); в 1787 г.—лошадей 327, волов—22⁹⁷. Допустим даже, а это невероятно, что в 1768 г. у горожан волов не было, получим рост числа голов рабочего скота на 14,4%. Но, допуская этот сомнительный рост числа голов рабочего скота, мы должны учесть бесспорное увеличение количества земли, обрабатываемой при помощи этого скота. Мы видели, что за эти 19 лет число мещан-земледельцев возросло со 163 до 317. Кроме того в 1768 г. горожане своим скотом барского поля не обрабатывали, а в 1787 г. этим числом рабочего скота нужно было обработать и возросшие поля горожан и значительную площадь барского поля. В 1768 г. горожане лишних лошадей не держали, имели столько, сколько было нужно в хозяйстве; если так, то это же количество скота, допуская даже незначительный прирост его, будет явно недостаточным для обработки возросшей площади в 1787 году. Упадок сельского хозяйства, ставшего исключительным занятием предместан, обнаруживается и в упадке числа хозяйств, имеющих пароконный надел, в росте хозяйств однолошадных, в появлении значительной группы «халупников убогих»—хозяйств совершенно разорённых, не имеющих наделов. Во всех предместьях города в 1787 г. хозяев, имеющих пароконные наделы, было 59, в 1797 г.—50; «халупников убогих» в 1797 г.—19 (в 1787 г. число их не показано). Преобладающей группой были хозяйства однолошадные: в 1797 г. на этих предместьях всех хозяев было 263, из них однолошадных—119, т. е. 45,2%⁹⁸.

Владельцы города, разорив городскую промышленность и торговлю, загнав предместан на землю, погнав их на барщинные работы, доведя барщинными работами их хозяйство до полного упадка, в довершение разгрома этой части городского населения вышвырнули их из мещанского сословия, превратили в крепостных крестьян. В переписи городского населения в 1797 г. жители всех городских предместий именуется «хлопами». Ни одного семейства «мещан» в этих предместьях не указано; «мещане» указаны только в центре города, в Старом городе.

Сохранившиеся в центре города «мещане» тоже были доведены до жалкого состояния. Разгром городского ремесла и торговли гонит их в сельское хозяйство; но это сельское хозяйство—жалкое: в 1797 г. у мещан было пароконных наделов 7, однолошадных—21, пеших—36. Многие мещане бегут из города: в 1787 г. в Старом городе мещан, имевших земельные наделы, было 84, в 1797 г.—64. На место уходящих мещан пан поселяет в Старом городе крепостных крестьян: в 1797 г. и в центре города мы видим «подданных, живущих в городе»⁹⁹.

Из переписи 1797 г. видно, что в центре города—в Старом городе—мещан было немногим более половины всего христианского населения: из 726 жителей мещан было 374 человека, т. е. 51,59%, «хлопов» же—132 человека, т. е. 18%. Число «хлопов» в центре города растёт: из 132 человек «зашедших», новопоселившихся было 49.

В разгромленном паном городе и евреи, при всей своей веками гонимой и нищеты выработанной непритязательности, не могут найти занятий, обеспечивающих, пусть на грани голода, их существование; евреи разбегаются. По переписи 1797 г., в городе насчитывалось 488 еврейских семейств, из них 607 мужчин и 769 женщин. Если крестьянская семья

⁹⁷ Archiwum Rzewuskich, Inw. 1768, 1787 A. A.

⁹⁸ Ibidem, Inw. 1787, 1797 A. A.

⁹⁹ Ibidem, Inw. 1797 A.

того времени состояла из 5—6 человек, то и в еврейской семье, надо полагать, не могло быть в среднем 2—3 человека. Естественно будет предположить, что многие из местных евреев жили вне города, разыскивали в других местах средства к существованию. Об этом же говорит и значительное преобладание числа женщин над мужчинами: мужчины выезжают первыми в поисках лучших условий жизни.

Перепись населения Староконстантинова в 1797 г. подводит итоги шляхетской «культурной миссии». По переписи в городе значилось 3925 жителей, из них «хлопов» — 1917, следовательно, половина населения города была превращена в крепостных крестьян. В городе «христиан» числилось 2569, из «христианского» населения хлопов — 74%. Но эти цифры преуменьшены, хлопов было большинство не только среди христианского, но и всего населения города. К хлопам же относились жители «юридик» — около сотни семейств. В городе хлопы составляли свыше 56% всего населения, а не считая евреев, — свыше 81%.

По основным занятиям большинства населения Староконстантинов становится всё более похожим на деревню, а по положению населения — всё более похожим на крепостную деревню. Жалкие остатки городской промышленности и торговли едва тлеют, преимущественно в еврейских кварталах.

Судьба Староконстантинова не была исключением среди городов, находившихся под властью Речи Посполитой; судьба других городов была ещё более трагичной. Всё же, как указано выше, Староконстантинов в XVIII в. по сравнению с большинством городов оккупированной Польшей Украины был значительным торговым центром. В 1780-х годах он был в числе 36 крупнейших городов «корсны»¹⁰⁰. Если в Староконстантинове подавляющее большинство жителей являлись крестьянами, то в других городах процент крестьянского населения был ещё выше. Рассматривая ревизские сказки 1795 г. Староконстантиновского уезда, мы видим, что «хлебопашцев» было в Кульчинах 58% всего населения, в Красилове — 67%, в Купеле — 74%, а в Кузьмине — 80%. Процент «ремесленного населения» в этих городах невелик: в Кульчинах — 4,2, в Красилове — 12,2, в Купеле — 1,5, в Кузьмине — 0,9, в Теофиполе — 8,5, в Ожиговцах — 3,1.

Во всех этих городах — 113 ремесленников, из них сапожников — 25, портных — 41. В наиболее промышленном Красилове из 40 ремесленников сапожников — 10, портных — 8; в Теофиполе из 33 ремесленников сапожников — 10, портных — 13; а в Купеле из 6 ремесленников портных — 3, сапожников — 2, один медник. Большинство ремесленников — евреи; из 33 ремесленников Теофиполя евреев — 21, из 11 ремесленников Ожиговец евреев — 8, в Купеле все ремесленники — евреи. Везде остатки городского ремесла сохраняются преимущественно в еврейских кварталах.

Сама шляхта в конституциях сеймов вынуждена была признать, что города Речи Посполитой «совершенно опустошены и уничтожены, по причинам угнетения и бесправия приходят в крайний упадок»¹⁰¹. В XVIII в. Свитковский откровенно пишет: «Неосмотрительная свирепая алчность предков наших опустошила наши города больше, чем шведские пожары»¹⁰².

Таковы результаты «культурной миссии», таковы «исторические заслуги» польского панства. Своей свирепой алчностью шляхетное панство вело к деградации хозяйственную, общественную и культурную жизнь Украины. Оно стремилось убить душу порабощённого народа, ведя политику национального, культурного и религиозного угнетения.

¹⁰⁰ Korzon T. Op. cit. T. I, str. 274—275.

¹⁰¹ Vol. leg. VII, str. 43, 74.

¹⁰² Korzon. Op. cit. T. II, str. 217.